

Серия «Бессмертный полк»

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ-ИЖЕВСКИЙ

ИСХОДНАЯ
ТОЧКА

Александр Щербаков-Ижевский

**Исходная точка. Серия
«Бессмертный полк»**

«Издательские решения»

Щербаков-Ижевский А.

Исходная точка. Серия «Бессмертный полк» / А. Щербаков-Ижевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850063-3

...Отдельная песня, это стрельба по мишеням... У нас не было даже контуров немецких танков. Информация была засекреченной. А Старшина был строгим, требовательным и вреднючим. Замучил просто придирками. Под портретами Ленина и Сталина всезнающий командир умничал. Подъем в 5 утра, а всё заканчивалось в 12 часов ночи. Мы постепенно выросли, матерели и были уверены, что враг будет разбит, а победа будет за нами. Постепенно становились настоящими мужчинами. В любом случае хотелось верить в лучшее...

ISBN 978-5-44-850063-3

© Щербаков-Ижевский А.
© Издательские решения

Содержание

Резня и сеча поднебесных ратников	6
Начальный капитал сгинувшего поколения	6
Цвета пламени багряное начало	10
Обагрённая кровью рутина противостояния	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Исходная точка

Серия «Бессмертный полк»

Александр Щербаков-Ижевский

*Светлой памяти моего отца Ивана Петровича Щербакова
(28.10.23 – 10.06.64) посвящаю...*

*Вечный ореол бессмертия и лавры победителей героям Великой
Отечественной войны!*

Редактор Анна Леонидовна Павлова

Дизайнер обложки Александр Иванович Щербаков

Корректор Игорь Иванович Рысаев

© Александр Щербаков-Ижевский, 2017

© Александр Иванович Щербаков, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-0063-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Резня и сеча поднебесных ратников

Начальный капитал сгнувшего поколения

Пенза.

Июнь-декабрь 1941 года.

В июне 1941 года военным комиссариатом я был направлен в Пензенское артиллерийское училище. Было мне тогда всего 17 лет. Видимо, чтобы дотянуть до совершеннолетия перед отправкой на фронт, меня решили подучить. Я особо не сопротивлялся. В октябре мне должно было исполниться 18 лет. А уже в декабре 1941 года мне обещали присвоить звание лейтенанта! Кто бы возражал против такой головокружительной военной карьеры. Только я, несмышлёныш, ещё тогда, совершенно не представлял реальность и жертвенность той войны уже вступившей в свои права. У меня, по крайней мере, здесь и сейчас всё складывалось очень даже хорошо!

Город Пенза был столицей области и по переписи 1939 года насчитывал 160 тысяч жителей. Располагался он на пологих холмах между Саратовской и Ульяновскими областями. Главная улица – Московская, постепенно поднималась в гору до центральной площади, где ещё раньше стоял красивый православный собор. Но большевики нехристи снесли его до основания

Здесь же, поблизости располагался Пензенский базар.

Лермонтовский большой и зелёный сквер, ЦПКО (Центральный парк культуры и отдыха) располагались у основания собора. Парк своим парадным фасадом выходил на три большие улицы, а его четвёртая сторона полукругом охватывала центральную площадь. На площади обычно проходили Первомайские и Ноябрьские демонстрации. Здесь праздничные колонны школьников и горожан приветствовали советские «отцы» старинного, а сейчас и революционного поселения.

Город омывали две реки: Пенза и Сура. Весной они разливались и сносили все пешеходные деревянные мостики. Разливы продолжались 1—2 недели. В это время переправиться с правого на левый берег можно было только на лодке.

В Пензе был крупный Трубный завод. А в первую пятилетку построили и Велосипедный. Слава пензенских велосипедов разнеслась по всей стране. Но были они достаточно дорогие. У многих советских людей тогда была мечта купить велосипед из Пензы. Однако, денег на покупку заветной «мечты» хоть совсем чуть-чуть, но всё равно не хватало. Не доступной была социалистическая роскошь.

Ещё здесь была мебельная фабрика, изготавливавшая «вечные» венские стулья, которые в обычной практике служили веками.

На окраинах чадили угольными печами для обжига два кирпичных заводика.

В Большом драмтеатре давали оперетту.

В цирк шапито частенько приезжал знаменитый Иван Поддубный.

А в бывшем здании Богоявленской церкви разместился коммунистический ДК (Дом культуры) Дзержинского для железнодорожников.

Для культурного развлечения рабочих велосипедного завода имени Фрунзе (ЗиФ) в 1934 году открыли ДК имени Кирова. А назывался он так потому, что накануне открытия заведения пристрелили вождя Ленинградского пролетариата Кирова. Большевики в честь его памяти и назвали дворец.

В городе было больше шести школ и детский приют. Новым учебным заведением была Пензенская опытная сельскохозяйственная станция – ПОС.

История Пензы познала и лихолетье.

В Гражданскую войну, пленённые было белочехи возвращались из Сибири к себе на родину. Как раз через Пензу. Военный трибунал предложил им разоружиться, а те почему-то отказались. Тогда красные вынуждены были их не пропускать и стали применять силу.

В результате на улицах города вспыхнули нешуточные бои не на жизнь, а на смерть. Пролитая красная кровь революционеров.

17 декабря 1918 года в Пензе были открыты пулемётные курсы РККА. Располагались они в здании 1-й женской гимназии, в здании Крестьянского банка и в Губернаторском доме. В дальнейшем название курсов часто менялось.

Но 1 сентября 1936 года была организована кавалерийская школа, которая была преобразована в дальнейшем в училище.

На её базе 20 ноября 1937 года было организовано Пензенское артиллерийское училище для подготовки командиров противотанковой артобороны на механической тяге.

Именно в это Пензенское артучилище я и прибыл для последующего прохождения обучения.

С началом войны учебный процесс был максимально приближен к боевой обстановке. Мы кропотливо, до каждого винтика и самой маломальской пружинки осваивали материальную часть артиллерийского оружия. Усердно корпели над теорией артиллерийской и миномётной стрельбы.

Непреложного внимания требовала и подготовка в службе миномётных расчётов. Учились работать по топографическим картам. Изучали оптические приборы, бинокли, теодолиты.

Отдельная песня, это стрельба по мишеням и огневая подготовка. Здесь уже всё происходило с повышенным вниманием, а я бы сказал, даже, с азартом. Мы же в душе своей всё ещё оставались 17-ти летними пацанами.

Я неоднократно задавал вопрос преподавателям

– Что надо будет делать с определением целей противника в сумерках или, когда плохая погода, при плохой видимости?

У нас не было даже контуров немецких танков, автомобилей, тягачей. Возникал резонный вопрос, что по ошибке можно было «шарахнуть» и по своим.

Уже вовсю шла война, а подобного рода информация всё ещё была засекреченной. Однако, преподаватели офицеры отговаривались и не объясняли причин отсутствия шаблонов

– Нет в наличии. В скорости, возможно, будут. На передовой сами раскумекайте, где враг и как он выглядит, – отвечали.

Мы старательно изучали инженерное дело. Особое внимание уделяли тактике ведения боя в самых разных его вариациях и устраивали практические многодневные походы с полной боевой выкладкой.

Здесь же обучались курсанты 2-го Пензенского артучилища дивизионной артиллерии на конной тяге.

В то время самое сложное для меня в военной жизни было привыкнуть к дисциплине. Здесь уже не надо было выпячивать своё мнение, спорить и возмущаться по пустякам. Надо было просто слушать приказы и беспрекословно, чётко их выполнять.

Но, постепенно я привык, и служба была уже не в тягость.

У нас в казарме царила атмосфера взаимовыручки и понимания друг к другу. Мы все осознавали, что скоро на передовую и собачиться друг с другом было бы совсем негоже. Абсолютно все мои сослуживцы-курсанты это понимали.

Мой тёзка, старшина Иван Галкин был строгим, требовательным и вреднючим начальником. Замучил просто своими придирками.

Но и к ним мы постепенно привыкли. А через месяц уже и незачем было цепляться. Всё у нас стало получаться сноровисто.

Мы же были молодыми, и нам очень хотелось стать «правильными» командирами.

Курсанты научились, как правильно наматывать портянки, как подшивать подворотничок, как разжигать в лесу костёр сырыми дровами, крутить «солнце» на турнике и многое другое. Во время военной подготовки мне очень нравились строевые занятия. Здесь мы пели песни двигаясь прямо на марше. А когда шли по пензенским улицам, зеваки, открыв рты, любовались на нас.

Нам было радостно! И мы были горды тем, что так красиво и слаженно у нас всё получается. Молодость брала своё.

В конце концов, я понял, как надо быстро «уяснить задачу, оценить обстановку, принять решение, организовать взаимодействие» и другие военные премудрости.

Вечером к нам приходил старшина. Он был опытным воякой. Прошёл Финскую войну, попадал в различные «заварушки». Он учил нас, желторотиков, ненормативной солдатской лексике, этике, ядрёному русскому мату.

Мы-то считали, что в жизни есть мать-перемать, разные нехорошие слова о женских и мужских детородных органах.

А в бою, оказывается, не всё так просто. Особенно у минометчиков на «передке», да ещё в ближнем скоротечном бою. Доли секунды могли спасти жизнь человека.

Под портретами Ленина и Сталина, выше которых ещё висели Фридрих Энгельс и Карл Маркс наш всезнающий старшина умничал

– Товарищи курсанты, а вы знаете, что на отдачу приказа у нашего врага немца средняя длина слова составляет 5,2 символа, а у нас 10,8. Следовательно, на отдачу приказов у фашистов уходит на 56% меньше времени.

В скоротечном бою, это ой, как много. Но...

Если изъясняться матом, то и длина слова в русском языке сокращается до 3,2 символов в слове, – мы удивлённо пооткрывали свои рты.

О науке, обоснованной на мате мы ещё не слышали.

– Краткость, зашифрованность команды матом становится совершенно не понятной подслушивающему противнику. А в коротком, скоротечном бою, на близких дистанциях это будет иметь решающее значение, – продолжал старшина.

– Курсант Лапников, доложи-ка нам, как ты отдашь приказ о заброске мин на позицию пулемётчика противника справа от тебя?

Жорка Лапников, немного задумался и, скороговоркой, протараторил

– Сорок седьмой, немедленно приказываю уничтожить вражескую огневую точку пулемётчика, ведущего огонь по нашим позициям с расстояния девятьсот пятьдесят метров! Огонь ведётся справа. Ориентир черёмуха. Десять метров левее от неё.

Мы замерли. Жорка расплылся в улыбке. Так сноровисто, чисто да гладко у него получилось.

– А теперь слушай сюда, курсант. Смотрите все и учитесь, как правильно надо отдавать команды.

Старшина набрал в грудь побольше воздуха и на едином дыхании членораздельно и, громче некуда, выпалил

– Сорок седьмой, ёбни того х...я справа!

В казарме повисла гнетущая тишина. Мы все вопросительно, удивленно и восхитительно глядели на старшину.

– Всё братцы. Всё я сказал. Кина больше не будет. Все должны понять короткую команду и научиться правильно использовать её. Иначе, не выжить на войне.

Немного подумав, он добавил

– Финнам мы покажем жопу, раком повернём Европу, а потом до смерти зае... ём!
Старшина встал, одёрнул свою гимнастёрку и, молча, вышел за дверь.

Нам ничего не оставалось, как дружно выдохнуть. Все засуетились и стали готовиться ко сну. В казарме повисла гнетущая тишина...

Балагурить и веселиться расхотелось.

Очень много внимания уделялось физической подготовке. Лыжи, кроссы, стрельба, многодневные переходы по лесам стали для нас обыденностью.

На марше команда «ложись» давалась чаще всего перед грязью или лужей. Так специально хотел наш требовательный старшина. Но мы понимали, что на войне может быть гораздо хуже. Никаких обид не было.

Всегда было много различных дежурств, нарядов, личной подготовки, контроля и проверки состояния личного оружия. Свободного времени не было вообще.

И мы отродясь не слышали ни о какой «дедовщине».

Грубости, оскорблений курсантов со стороны командиров у нас тоже не было. Случаев пьянства за курсантами не наблюдалось, не до баловства было.

Ускоренное обучение, сами понимаете, предполагало сверхплотный режим обучения и сверхжесткий распорядок дня. Поэтому побудка, подъем были в 5 часов утра, а всё заканчивалось лишь в 12 часов ночи.

После отбоя все валились с ног и засыпали, как «убитые». Но никто не роптал. Никто и никогда. Абсолютно все понимали, что это всего лишь подготовка к великому испытанию на фронте. Но каково там у каждого из нас сложится, одному всевышнему было известно.

В отличие от «гражданки» в моей жизни появились порядок, дисциплина и уверенность в завтрашнем дне.

Жизнь текла по заведённому распорядку, и думалось, что так будет всегда. Конечно, мечтать о таком было наивно, но мы этому совершенно искренне верили.

Особой радости, что скоро эта «учебка» закончится и скоро на фронт мы не испытывали. На душе периодически возникало чувство тревоги. Но не было уныния и безысходности.

Совершенно не было слышно стенаний по поводу нежелания служить в действующей армии.

Мы постепенно выросли, матерели и становились настоящими мужчинами.

Все знали, что предстоит идти на фронт и за что, за кого предстоит воевать. Мы были уверены, что враг будет разбит, а победа будет за нами. Колебаний или сомнений по этому поводу не было.

Вполне возможно, что и ребята не подавали виду о терзающих душу вопросах?

Так уж устроен человек, что в любом случае, хотелось верить в лучшее.

Хотел бы высказать особую благодарность нашему главнокомандующему Иосифу Виссарионовичу Сталину и своей Отчизне. Меня, 17-ти летнего мальчишку они не бросили затыкать своим телом прорванные немцами участки обороны под Москвой. А терпеливо выучили в одном из лучших артучилищ страны. И потом, отправили на второе формирование 166-й стрелковой дивизии в учебные лагеря под Чебаркулем.

Шансов не оставили мне опытные командиры, чтобы хандрить и не верить в Великую Победу. Думаю, что именно благодаря этому я и остался в живых.

Не смотря ни на что, выжил и дошёл до долгожданной Победы.

За что и говорю им: «Большое спасибо».

Цвета пламени багряное начало

В декабре 1941 года я с отличием закончил Пензенское артучилище с присвоением звания «лейтенант» и убыл в распоряжение Уральского военного округа в город Чебаркуль. Здесь как раз происходило второе формирование 166-й стрелковой дивизии.

Напомню читателю, что 166-я стрелковая дивизия 1-го формирования под командованием полковника Алексея Назаровича Холзина (1899—1941) была происхождением из Томска.

В 1941 году сибиряки спасли Россию под Смоленском и Вязмой при этом почти все погибли, утратив дивизионные штандарты.

Из 14 тысяч человек дивизии к 15 декабря 1941 года из Вяземского котла вышли из окружения всего 517 солдат и командиров, собранных со всех окружённых частей других воинских формирований.

Красноармейцев из 166 дивизии было не более 200 человек.

Тогда, 166-я стрелковая дивизия по штабным документам прекратила своё существование.

Но 22 ноября 1941 года в городе Чебаркуль Челябинской области на базе 437-й стрелковой дивизии Уральского военного округа началось новое, уже второе её формирование.

Командовал организацией дивизии генерал-майор Фёдор Михайлович Щекотский, а комиссарами были Н. С. Лесь и М. Е. Самарин, начальником штаба полковник А. И. Попов.

Я был направлен в ряды уже новой, вновь формировавшейся дивизии. Меня назначили заместителем командира миномётной батареи 517-го стрелкового полка.

Командиром полка был подполковник Д. Я. Прошин.

С 16-го февраля по 15-е апреля 1942 года 166-я стрелковая дивизия по железной дороге через Москву и станцию Бологое была переброшена в Ярославскую область, на станцию Любим.

Её позиция была закреплена за Ставкой ВГК.

Затем, в срочном порядке все части дивизии перебросили в район города Осташков и Чёрный Дор.

Именно там 166-я стрелковая дивизия вошла в подчинение 53-й армии Северо-Западного фронта под началом генерал-лейтенанта Е. П. Журавлёва.

На тот момент было мне 18 лет.

...При выгрузке из эшелонов дивизия подверглась сильнейшей бомбардировке с воздуха. Особо пострадали 735-й и наш, 517-й полк. Немцы засекли продвижение частей дивизии и, в дальнейшем, беспрестанно мучили бомбоштурмовыми ударами их «певуны», «Юнкерсы».

Наша стрелковая дивизия в 14 тысяч человек личного состава со своими тремя стрелковыми полками, с артиллерией, обозами, санитарной частью и тылами двинулась в сторону фронта.

Казалось, что лес и окружающее вязкое пространство пришли в движение. В округе всё шевелилось, двигалось, роптало, гудело, шелестело. Воздух стал плотным от неожиданного рокота, тяжёлым и мутным в своём восприятии.

Дивизия практически не делала остановок на своём пути. У некоторых машин вода вскипала в радиаторах, моторы грелись, но их никто не ждал. Починятся и сами догонят. Правда, если повезёт разыскать своих.

Тяжёлые пушки тащили тракторами ЧТЗ (Челябинский тракторный завод), которые ещё вчера были задействованы в сельском хозяйстве, а сегодня исправно служили фронту. Но у этих гражданских тракторов часто рвались гусеницы, из строя выходила ходовая часть. Те, у которых заклинило двигатель бросали прямо на обочине дороги. Мудохаться с ними было

некогда, потому что средняя скорость их движения итак была не велика, где-то 4 километра в час.

Привалы, остановки были очень короткими. Люди едва успевали оправиться, глотнуть водички, стряхнуть налипшую грязь с ног, как уже звучала команда

– Строиться!

И снова вперёд к намеченной цели.

Лица, одежда солдат, стальные каски, стволы орудий, крупы лошадей, двуколки, подводы, закрытые чехлами пулемёты «максим», наши миномёты, машины, противотанковые ружья, ящики с боеприпасами-всё было покрыто влажной каплей.

Влага была везде. В ноздрах, ушах и даже приходилось вместо слез воду с бровей стряхивать.

От разгорячённых спин шёл пар, а отсыревшие в карманах спички не загорались.

Вся территория, по которой мы двигались, была покрыта в основном лесами и болотами. Она была абсолютно недоступна для транспорта и тем самым непригодна для ведения боевых действий. Состояние дорог лишь в незначительной степени отвечало военным требованиям и то лишь на ближайших подступах к крупным населённым пунктам, да на возвышенностях.

Кроме того, даже если попадалась железнодорожная линия, то это совсем не означало, что параллельно ей будет проходить и автодорога.

Из-за болот, постоянно встречавшимися на пути, обходными манёврами двигаться было невозможно.

Поэтому далее по грунтовым, просёлочным, полевым дорогам, лесам, болотам и между озёр дивизия пробивалась к месту сосредоточения расположенного в Новгородской области южнее Демянска. Именно пробивалась. Да ещё и героически.

Стадные инстинкты массового движения захватывали всех. Ездовых, водителей, артиллеристов, штабных работников, санитарные повозки, полевые кухни и даже штрафников охватил азарт скоротечности и стремительности продвижения.

Все торопились. На убой?

...Однажды самолёты выскочили из-за верхушек деревьев совершенно неожиданно. Противный вой бомбардировщиков разрывал барабанные перепонки. Ужасной силы взрывы грохотали повсюду. Возникало ощущение, что каждая первая бомба попадёт именно в тебя и разорвёт на кусочки.

Я успел прыгнуть в неглубокую ложбинку, когда раздался оглушающий грохот. Над головой ярким пламенем брызнула вспышка адского всполоха. От детонации дыбом встала земная твердь, всё пространство вокруг меня сотрясало от обезумевшего воздуха.

Грохот в ушах был плотным, как сама земля. Взрыв был ужасающей силы.

Наступила кромешная темнота.

Но солдаты откопали меня быстро. Очень сильно болела голова, и тошнило до блевотины. Не имея сил подняться, я сидел на сыром пенёчке, мотал гудящей головой, а Петруха пермский, балагур и весельчак из 1-го взвода всё приговаривал

– Не ссы, полководец! Я сказал же, что жить точно будешь! Вот отрыгаешься и веселее на душе станет. Ты сунь, сунь два пальца в глотку. Я после браги, да перепою в деревне всегда так делал.

У меня никак не получалось стоять на ногах. «Болтало» из стороны в сторону. Но я был молодым, сильным и в медсанбат не пошёл. Просто совесть не позволяла «выпендриваться», когда страдали и другие такие же люди, раненные солдаты.

По всей округе, кругом валялись брошенные и разбитые телеги, двуколки. Кое-где горели машины. Ветра не было, поэтому вонь от чадающей резины стояла невыносимая. У одного гаубичного орудия разворотило станину и её никак не удавалось закрепить к тяге трактора. Получалось, что она перегородила дорогу. Наконец-то общими усилиями роты, под друж-

ные возгласы «раз-два взяли» её выволокли на обочину. На скукоженной траве, где-то с краю от середины колонны валялось много убитых красноармейцев. Они лежали, как скошенная трава. На глазах бредущих людей, по приказу начальника хозчасти бывалые ребята с трупов стали снимать обмотки, тяжёлые кованые ботинки, защитные рубахи. Шинельки да шапки складывались отдельной горой. Штрафники не комплексовали и особо не сентиментальничали, церемониться было не с руки, приказ выполняли. Даже обильно залитая кровью одежда сдиралась с тел. Получалось, что мертвецы раздевались донага. Всё равно их удел был решён, поблизости уже зияла раскуроченным зевом большая братская могила. А полковые прачки по любому окровавленную одежду отстирают на постое. Сами понимаете, что служила она два, а то и три круга использования.

Возле кустов боярышника распластался убитый майор. На широко раскинутых ногах у него блестели яловые сапоги, а галифе были непривычно синего цвета. Фуражка с голубым верхом утонула в луже. Неподалёку лежала его тяжелораненая лошадь рыже-чёрной масти с оторванной ногой. Штрафники быстро сняли с неё подпругу, старенькое седло с выкрашенным опять же в синий цвет ленчиком. Один из них схватил за гриву хрипящую кобылу, другой полоснул ножом. По цепочке передали команду, чтобы подтянулись служивые из полевой кухни. Это была их добыча. Не пропадать же добру. Некоторые солдаты от увиденной трагедии плакали, на ходу утирая слёзы рукавами шинелок.

В санбате случилась своя трагедия. Взрывной волной швырнуло о ствол вековой сосны молоденькую сестричку. Валюшу-одуванчика. Её смуглое молодое лицо не потеряло своей красоты и впрямь смерти. Под красивыми, выгнутыми дугой бровями поблёскивали ещё живые полужакрытые глаза. Губы были пухлые и сочные, но их красоту оценить было уже невозможно, потому как из горла пузырями вываливались сгустки крови. Было понятно, что от удара ей переломило позвоночник. Жемчужины зубов ещё были видны в суспензии, а слипшиеся пряди волос прикрывали враз побледневшую, припухлую щёку. Страшно было видеть, что и на эту недавно ещё живую и, казалось бы, вечную красоту, смерть уже наложила свой отпечаток. До слёз было жаль красивую дивчину.

Отбомбившись, вражеские самолёты улетели. Нескончаемые колонны красноармейцев пошли дальше, а я стал догонять своих.

Меня всё равно немного «качало», но постепенно я «разошёлся».

Продвигались мы очень медленно, и у меня сложилось понимание того, что мы совершенно не имеем представление о силах противника. Где-то там у них была крепкая оборона. Там. Достаточно скудно и всё.

Но мы всё шли и шли в том направлении, где должен был находиться наш враг. Беспощадный, бескомпромиссный и кровожадный.

Прилегающие к шоссе дороги были забиты людьми, лошадьми, техникой. Всё было подчинено одной цели, как можно скорее достичь намеченного рубежа.

Создавалось впечатление, что это ползёт громадное живое существо, и метр за метром подминает под себя расквашенную дорогу, ругается, матерится, горлопанит и ёрничает над неумехами, разбрызгивает жирный и жидкий, как взвесь чернозём по всей округе.

От лошадей, закипевших моторов, с мокрых спин красноармейцев, из носоглоток людей идущих к своему краю стелился густой пар. Там, где лес обжимал дорогу вплотную и не было ветра столб марева не позволял разглядеть колонну впереди идущих далее двух повозок.

Тем временем с неба стал падать противный сырой снег с дождём. Дорожная грязь, перемолотая тысячами сапог, сотнями колёс и гусениц, противно чавкала. Колонны двигались крайне медленно.

Паршивая погода в здешних местах была не редкостью. Она случалась в январе, феврале и марте. Большинство дней бывали облачными. Осадки были регулярными в виде снега

и дождя. Жесточайшие морозы до минус тридцати сменялись оттепелями с устойчивыми туманами.

А с неба всё сеял и сеял мелкий холодный то ли снег, то ли лёд с дождём. Видимо, сюда доставали ветры с Балтики. Сырая промозглая бездонность неба опрокидывала на наши головы ушаты генерированной воды. Промозглая мгла оседала и на дорогу, на траву, на деревья. В воздухе пахло не просто влагой, казалось, что мы даже дышим водой.

В таких случаях обмундирование набухало в два счёта. Шинель стала тяжёлой и торчала колом, будучи насквозь пропитана влагой. Сырость проникала и за ворот шинели.

А сам вещмешок, наш штатный сидор утяжелялся в разы.

Ноги увязали в грязи и люди вытаскивали их с совершеннейшим трудом. Колёса телег временами утопали по самую ось во взвешенную мерзкую грязь.

Видимость была ограниченной.

Хуже такой мерзопакостной погоды, пожалуй, никогда и не было.

А у меня по-прежнему страшно ныла контуженная голова.

На одну из наших миномётных повозок пехота загрузила штатный станковый пулемёт «Максим» с боекомплект. Пулемётчик Закиров уселся рядом и стал жевать сухарь.

На марше к нему подскочил злой и пьяный офицер с одной шпалой в петлице. Капитан. Затем он подошёл второй раз. Третий.

Шайтан Закиров, как сидел, тупо жуя свой несчастный сухарь, так и продолжал бездействовать.

В следующий раз офицер подошёл к пулемётчику со спины и со всего маху ударил его рукоятью своего «ТТ» прямо в висок.

Закиров мешком вывалился из повозки и без движения замер на обочине.

Мимо распластавшегося в полужидком чернозёме тела двигались сотни и сотни сапог. Тысячи людей проходили мимо. Конца краю людскому перемещению не было видно.

Понятно, что на марше никто расследовать происшествие, конечно же, не станет. Люди шли и шли. Кому, какое дело будет до кровоподтека на грязной роже солдата, пулемётчика и шайтана по-совместительству, Закирова.

Помер и помер. Закопают, и из списков вон вычеркнут, по убытию.

Где-то в хвосте колонн тащилась и гауптвахта. Мы-то знали, что для штрафников появилась работа. Без суда и следствия, быстренько прикопать на обочине труп шайтана Закирова. Орёлики там ещё те содержались. Да и кто откажется от дармовых ста грамм за землеройный труд.

Мерзавец, молоденький, пьяный и борзой офицерик, сволочь. Капитан ещё не обстрелянный в боях. Он совершенно не предполагал о причинах инфантильности контуженного в прошлом, поэтому и слегка глуховатого пулемётчика Закирова.

А сложность перезарядки штатного «Максима» была в том, что его боекомплект, металлические коробки с запасными лентами от постоянной сырости протекали. Брезентовые ленты во время дождя, от снега, грязи намокали и набухали. Поэтому, обслуживание «станкача» требовало немалого труда и времени, чтобы в течение боя его случайно не заклинило.

На марше задачу по очистке брезентовых лент от грязи и влаги выполнить было крайне сложно, если не сказать, что невозможно.

Рядовой Закиров не слышал приказов капитана и просто тупо ждал привала. Конечно же, он был обязан выполнить обычную, нудную, рутинную и привычную для себя работу пулемётчика.

Но для него в этот раз не сложилось.

Ночевали мы прямо в лесу у разожженных костров. А речушки преодолевали по деревянным, наспех сооружённым сапёрами мосткам.

Во время движения колонн погода абсолютно не менялась. Сырость и вся дорожная мерзость просто достали.

Поступила команда, что строжайше запрещено сходить с дороги на обочину. Даже по большой нужде. На этом участке движения кругом были мины.

Я уселся поудобнее в свою штатную двуколку, накрылся лошадиной попоной и вздремнул «про запас». Проснулся и понял, что уже долго стоим на месте.

Привстав на облучок, увидел, что голова колонны стояла на большой поляне у перекрёстка дорог. Дорога направо была перекрыта шлагбаумом из еловой жерди с надписью «Mine», а налево была полностью заросшая бурьяном. Скорее всего, ею давно не пользовались.

Группа офицеров на перекрёстке о чём-то спорила. Неподальку согнулся и осторожно что-то копал сапёр. На вытянутых руках он отнёс в сторону мину в деревянном корпусе, пролежавшую здесь с 1941 года. Стало понятно, что обходной дороги не будет, а старые советские мины надо будет просто взрывать.

Кто-то, кому-то стал возражать. Между старшими офицерами разгорелся ожесточённый спор.

Завидев меня, полковой инженер махнул рукой, приглашая подойти. Я спрыгнул с двуколки и поскользнулся в грязной придорожной жиже, упав боком на плащ-палатку.

Не успев подняться, я увидел сполох сильного взрыва над группой людей, на совещание которых меня приглашали. Гимнастёрка моя от взрыва прилипла к телу, а поток горячего воздуха обдал лицо, разгорячённое после сна. Лошади засучили ногами и заржали от испуга.

Оглядев своих батарейцев, я пришёл к выводу, что на этот раз от смертушки «пронесло». Значит, не судьба была погибнуть нам и в этот раз.

Но на перекрёстке в клочья разорвало замкомполка подполковника Кожухова. Погиб начштаба полка капитан Ванюшев и полковой инженер Каплун. Замполит подполковник Сарычев получил сильнейшую контузию и лежал поодаль без движения. Красноармеец – сапёр Голубков исчез. Его так и не нашли. Видимо разорвало на слишком мелкие кусочки.

Подошедшие офицеры – сапёры установили, что в руках у солдата взорвался советский противотанковый фугас.

Страшная и безысходная это штука, судьба.

Когда распогодилось, в небе опять завывали «Юнкерсы». Ближе к вечеру ездовой Ефим Лопырев не успел угнать повозку в лес. Бомба грохнула поблизости и ему, прямо сзади в шею воткнулся крупный осколок.

Окровавленный он лежал на жухлой лесной траве лицом вниз.

Немецкие самолёты уже улетели, а мы сгрудились рядом и обсуждали, чем можно было помочь ездовому.

Ефим был в сознании и попросил водки.

Солдаты с осторожностью повернули его голову набок. И мы стали заливать ему водку из горлышка бутылки прямо в глотку через свёрнутый в трубочку сухостойный лист.

К этому времени уже подбежала молоденькая военфельдшер. В санитарной сумке у неё были перевязочные пакеты и, почему-то, пинцет. Я приказал ей

– Тяни осколок руками! Вытаскивай!

Военфельдшер, Анечка Копотева, по началу, пыталась протестовать и, даже, всплакнула немножко. Боялась. Мне пришлось силой посадить её на корточки и гаркнуть Аньке прямо в лицо. Она вздрогнула и начала шевелиться.

Ефим видимо захмелел, начал мычать. Но, ему было больно и он стал сучить каблуками сапог друг о дружку. Однако, бойцы нещадно распластали тело раненного на земле и встали коленками на его разбросанные руки. Зафиксировали. Ефрейтор Сапожников встал на колени таким образом, чтобы зажать голову.

Подрезав мышцы шеи почти до основания черепа протянутым перочинным ножом, девушка рукой потихоньку вытянула из мяса ездового металлический «пропеллер». Все ожидали, что брызнет фонтан крови. Но этого не последовало. И слава богу. Несколькими стежками суровой хирургической нити, что нашлась в сумке она стянула рану и наложила толстый тампон, обтянув шею свеженьким марлевым бинтом.

Все облегчённо вздохнули.

А Ефим всё безудержно матерился. Ему не перечили, только смахнули грязной и выброшенной кем-то портянкой кровь с шинелки. Аккуратно уложили на живот в повозку. Обоз двинулся дальше. Было видно, что ездового нещадно болтало от края к краю повозки. Госпитали поблизости не было. Все медики были в далеко отставшем хвосте колонн. Мы же шли по своей территории, по родной земле и ничего, вроде, беды не предвещало. Смог ли пережить ездовой Лопырев в дальнейшем эту дорожную трясучку, мне было неизвестно.

Мимо нас с трудом волоча ноги, в полной боевой выкладке и трехлинейкой с примкнувшим штыком в руках то ли бежал, то ли кое-как убыстрялся боец из роты связи, часть которой шла впереди колонн с командирами. Видимо выпнули его по состоянию здоровья из санчасти. Якобы, выздоровел. Вот и догонял своих, страдалец. Если отстанет, иначе могли «пришить» дезертирство и расстрелять. Глядя на него, я засомневался, что он в состоянии не то что добежать, а добрести или доползти до своей роты.

Для безопасности продвижения дивизии, в порядке очерёдности вперёд за несколько километров выдвигалась стрелковая рота и занимала на рокадном направлении движения дивизии стратегический плацдарм. Это нужно было делать обязательно, потому что фрицы могли выставить на пути нашего следования засаду.

Для прикрытия арьергарда вперёд выдвигалась миномётный взвод. В конце-концов наступила и наша очередь занимать передовые контрольные точки, указанные штабным начальством. Так как мы двигались из тыла, поэтому гужевым транспортом были обеспечены, пока, хорошо. Быстро добрались до намеченных координат и стали осваивать на лесной лужайке строго отведённую позицию. Как обычно, лошадей отвели в лес, а сами миномёты установили по опушке. Получалось, что по просеке удавалось просматривать чуть ли не километр дороги.

Всё бы ничего, но вдруг, издалека стала слышна приглушённая лесом трескотня мотоциклов. Минут через пять стал явственно прослушиваться утробный низкий звук немецких БМВшных мотоциклетов.

Вдруг, на поляну со всей дурной скоростью вылетело три мотоцикла. В каждом из них находились немцы. Они громко хохотали, жестикулировали руками, а некоторые, даже, подвывали знаменитый немецкий марш Хорста Весселя.

Я сразу понял, что фашисты были пьяные.

По взмаху руки, наша засада ударила из глухого подосинника прицельно залпом. Первые же мины легли точно и накрыли цели. Водители-мотоциклисты вывалились из своих сёдел, пехота из колясок. Один мотоцикл перевернулся. Последний въехал в коляску другого. Как горох, немцы попадали в густое лесное разнотравье.

Бойцы, без всякой команды открыли огонь из своих трёхлинейек на поражение. Через пару минут всё было кончено.

Но двое фрицев, подняв руки, тряслись возле разваленной ели. Ни слова не говоря, в их направлении двинулся Витька Сорокин, подносчик мин. Рядовой из Смоленска. Ходом, не доходя до противника, он одел на ствол своей мосинки штык.

Не сбавляя темпа шага, как на учениях, он сблизился и воткнул пику клинка в грудь впереди стоящего фашиста. Второй упал на колени и завыв о пощаде.

Упёршись своим керзачём в грудь нанизанного фашиста Витька стряхнул обвисшее тело убитого немца и со всего маху воткнул освободившийся штык в шею стоящего на коленях фрица.

Мы онемели от происходящего.

Но никто не шелохнулся и не двинулся с места. Все знали о Витькиной трагедии, случившейся с его семьёй в оккупации. Поэтому и не мешали. А Витёк просто мстил беспощадному врагу за своих убиенных родственников-отца и мать, сестрёнку.

После этой стычки я подробным образом составил рапорт, не забыв упомянуть, что гитлеровцы предприняли попытку сбежать в лес, вследствие чего были заколоты штыками. А красноармейца Сорокина, предложил наградить медалью «За отвагу».

Через полчаса рапорт был сдан в штаб батальона, а у меня до самой ночи мелкой дрожью тряслись руки. Только я своим бойцам не показывал вида, чтобы те не признали своего взводного трусом.

Каждый батальон сопровождала походная кухня на колёсах и о двух котлах. По пути она нещадно дымила и распространяла вкусные запахи.

Мародёрством солдаты под страхом расстрела на марше не занимались.

В проплывающих мимо нас деревнях зампотылу как-то умудрялся договариваться с председателями колхозов и старостами. В ту нелёгкую годину уже и такие появлялись, деревенским хозяйством-то всё равно надо было руководить при любой власти. Мы получали картошку, капусту, печёный хлеб, а иногда и мясо.

За продукты интенданты рассчитывались деньгами, полученными в полевой кассе. Ведь она в своих сейфах перевозила очень большие тыщи советских рубликов, солдатских денежек. Никто из деревенских в оккупацию не собирался, фрицев не ждал и советские дензнаки местный люд принимал с большим удовольствием.

К моему великому сожалению, на войне я потерял много друзей, знакомых, просто хороших людей. Но, горечь потерь никогда не оставляла равнодушным. Пожалуй, в судьбе каждого из нас война оставила глубокий трагический след.

До слёз обидно было осознавать, что фронтовые друзья погибали и в глубоком тылу, а не на передовой.

Случалось, что боевые товарищи умирали под бомбёжками, под колёсами и гусеницами своей же техники. Или будучи «приговорёнными» командирами-самодурами и по несчастному случаю или от случайного, неосторожного выстрела от напарника при чистке оружия. Война всё спишет.

...К тому времени «передок» покидала основательно потрёпанная в боях 23 стрелковая дивизия. Таким образом, наша 166 стрелковая дивизия заняла ею оставленные позиции. За нами был закреплён рубеж в районе деревень Молвотицы, Бель-1, Бель-2, Кулотино, Куше-лево, Копылово, Городково.

На этом плацдарме и выкашивалось впоследствии в безрезультатных, кровавых и бесполезных атаках уже второе формирование вновь возрождённой 166 стрелковой дивизии. С одной стороны бойцы Родину защищали, а по-житейски не повезло им. Ох, как не повезло с местом дислокации. Угодили в ад крошечный.

С 4 по 11 февраля 1943 года дивизия входила в 1 ударную (!) армию этого же фронта.

А с 11 февраля в составе 53 и 68 армий она участвовала в Демянской наступательной операции.

Первой из войск 53 армии она с жестокими боями прорвала оборону сильнейшего укрепления противника и вынудила его к отходу от реки Ловать.

Наша героическая 166 стрелковая дивизия продвинулась вперёд на 15—20 километров и заняла населённые пункты Берёзки, Бычиху, Залучье, Гордево, Куки и вышла к Рамушевскому коридору.

Это было нечто!

Немцы были выбиты с насиженных позиций, которые они считали неприступными. Рубеж реки Ловать, Рамушевский котёл для них были судьбоносными. Уступив позиции гитлеровцы практически открыли дорогу к освобождению Старой Руссы, от которой открывалась прямая дорога к деблокаде Ленинграда.

С 9 марта наша дивизия храбро сражалась и перешла в наступление на рубеже Липино и Селяха в районе Старой Руссы вдоль реки Ловать.

Но полки её были совершенно обескровлены, а личный состав почти полностью выбит. Воевать было уже совершенно нечем и нечем.

Поэтому 3 апреля 1943 года дивизия была выведена в резерв фронта.

Затем в районе Пенно вошла в состав 27-й армии резерва Ставки ВГК (Верховного Главнокомандования).

В этих беспощадных боях я был тяжело ранен и был отправлен в госпиталь, а сама дивизия после боёв под Демянском в дальнейшем убыла под Курск.

Далее она наматывала фронтовые километры на Харьков.

Следующим этапом перебралась в Прибалтику и закончила войну в Вильнюсе.

А лично для меня после ранения случилась совсем другая история. Но об этом расскажу в другом повествовании.

Обагрённая кровью рутина противостояния

Узнав о начале войны в июне 1941-го, долго не раздумывая, я добровольцем ушел в Красную Армию.

Тогда было мне всего 17 лет.

С отличием закончил артучилище в Пензе и в 18 лет был направлен на Северо—Западный фронт.

Приказом по 58-й армии я, лейтенант Щербаков Иван Петрович в феврале был назначен заместителем, а в апреле 1942 года командиром минометного взвода 517 стрелкового полка 166 стрелковой дивизии.

С 16 февраля по 15 апреля 1942 года дивизия по железной дороге была переброшена в г. Любим Ярославской области, и находилась в резерве Ставки ВГК.

Затем убыла в район Осташков, где вошла в подчинение 53-й армии Северо-Западного фронта.

Участок обороны Северо-Западного фронта проходил от озера Ильмень до озера Селигер в Новгородской области.

Это болотистый край заливных лугов длиной в 200 километров.

Здесь наши части приняли от 23-й стрелковой дивизии полосу обороны в районе д. Молвотицы и до февраля 1943 г. вели ожесточённые позиционные бои.

Место противостояния, Новгородская область, сильно заболоченный край. Это гиблые места сами по себе. А когда в болотах, на опушках леса, на просёлках и по краям дорог белело множество человеческих костей, обглоданных черепов, то и вовсе становилось жутковато.

В общем, места были нелюдимые, глухие с сатанинским сероводородным душком от которого першило в горле, и кружилась голова.

Наши командиры говорили, что это местность, где Господь забыл разделить небо и землю.

Информация из центральных источников до нас доходила в последнюю очередь. Быстрее сарафанное радио весточку принесёт, чем из официальных московских рупоров услышишь. Поэтому мы, как бы отвечали сами за себя в смрадном окружении сжиженного метана. Что там и где там происходило слышали только из уст комиссаров да политруков. Но крестьянские беспаспортные и раскулаченные мужики им не особо-то и доверяли. А попросту не верили в их коммунистические байки. Что там с их мировым коммунизмом случится, ещё совсем непонятно было, а вот задача уцелеть здесь и сейчас стояла на кону архисложная и отчасти невыполнимая вовсе.

О блокаде Ленинграда страна узнала только в начале 1942 года, когда из него началось массовое бегство населения, панический исход старых да малых.

Политработники по этому поводу, порядком нам надоели, вправляя мозги и обещая скорую победу.

Лето-осень 1942 года наша дивизия, как и весь фронт, страдала от проливных дождей. Условия боевых действий, впрочем, на войне это обычное состояние, были очень суровыми.

Как было дело, расскажу без всяких прикрас.

Дорога на Руси всегда существовала своей, обособленной жизнью.

В войну эта разница миров была просто бездонна как пропасть.

На фронтовых дорогах царил хаос. «...Три трактора растаскивали застрявшую технику. Кто наглее, тот и владел тракторами, заботясь только о собственном благополучии и с отвращением к себе подобным. Наезжают, давят, ненавидят друг друга, становясь непримиримыми врагами...»

Души людей зачерствели.

Посреди перекрёстка лежал на животе труп толстого немца. Штаны у него были спущены, а в задницу воткнут на деревянном осиновом древке красный флажок. От сильного ветра упругая вица прогибалась и плавно покачивалась туда-сюда, словно приветствуя проходящих мимо людей. Казалось бы, верха цинизма этой сцене не было, а с другой стороны веселило. И немчура не такой уж бессмертной казалась. Другие фрицы и части их тел висели на деревьях, заброшенные туда взрывами от снарядов.

А на обочине вешали русского старосту-мужичонку в старом армяке, потрёпанного и равнодушного ко всему происходящему. Он уже смирился со своей участью, хотя избирали его на сходе односельчане и служил крестьянский сын на должности для их же благоприятного жития. Только кому это сейчас докажешь. Война.

Капитан из прокуратуры зачитывал приговор.

На экзекуции присутствовала парочка исполнителей из СМЕРШа и три-четыре зрителя.

Люди равнодушно проходили или проезжали мимо. Видеть смерть уже всем осточертело. Злости к мужику не было и расправа не заводила. Скорее возникала жалость и досада. Это же был не враг, а простой крестьянский сын, по воле судьбы метавшийся между двумя непримиримыми сторонами.

На дороге бывало, что личная выгода преобладала до такой степени и до стрельбы доходило. Никто не был в состоянии навести порядок.

Вся эта мышьяная возня вокруг транспортной магистрали с пафосом указанной на двухкилометровой карте как «рокадная дорога», напоминала сумасшедший дом.

Полнейший кавардак, великое столпотворение, бесконечная сутолока и жуткий разброд со смертельными шатаниями.

Если сказать по-другому, полнейший беспредел.

Примите, как данность, что в то время до 90% всех перевозок осуществлялось гужевым транспортом. Лошадей ценили и берегли, как зеницу ока.

За потерю гужевой силы по головотяпству можно было легко загреметь под военный трибунал. Дальше в штрафную роту. А там и погост был уже недалече.

Так что за лошадю глаз да глаз был нужен. Как говаривали служивые: «Себя обдели, но лошадь накорми».

Представляете, как обустривалась гать для прохода минометных двуколок? Колеса тонули в болоте, лошади проваливались по брюхо. Поэтому солдатам всей миномётной ротой приходилось впрягаться в упряжки.

Минометные ящики и мины ворочали руками. Тянули-тягали, перетаскивали, укладывали до изнеможения. До тошноты. Ажо ноги не держали. Подкашивались.

Строительство гатей выматывало и забирало все силы без остатка. Красноармейцы были в сношенных донельзя ботинках с обмотками, в порванных шинелях.

Над их головами постоянно висела туча комарья, гнуса и мошкар. Сильные плечи были покрыты не просто волдырями, это была кровавая расчёсанная до человеческого мяса язва. Над сильными плечами был рай для кровососущих. В постоянной работе рукой её не смахнёшь и почесать возможность не представится. Жуткое чесалище. Люди не могли постоянно отмахиваться, потому что сразу следовал окрик позади идущего человека. Ведь на плече их руки придерживали тяжеленное сырое бревно.

Если солдат поднимал опущенную, набыченную голову, то был виден блеск глаз, полуоткрытые губы и упрямая маска на лице. Это было нормально. Значит, жив-здоров курилка. Непременно, и в этот раз, выдюжит.

С него станется.

А когда, во время дождей механизированная и конская тяги застревали и вставляли напрочь, всё перемещение тылового имущества и боеприпасов компенсировалось солдатским горбом.

В таких случаях чертыхаясь и матерясь, вдоль дорог по щиколотку в грязи брели колонны солдат с навьюченными на себя поклажами. Измождённые, голодные, грязные с головы до пят, некоторые с обвязанными проволокой ботинками несли на себе не только всё самое дорогое для боя и особо ценное трофейное имущество своего начальства.

Те ещё подонки были некоторые командиры. На крови обогащались.

Просёлочные дороги немцы минировали. И даже, бывало, неоправданно мощными фугасами. Все подводы, груженные имуществом, продовольствием, медикаментами, боеприпасами старались двигаться строго по колее.

Но, однажды, один из повозочных выехал из колеи на несколько сантиметров, и сразу же раздался взрыв-сработала мина. Когда грязь опала, а сизый дым рассеялся однополчане не смогли найти ни самого бойца, ни его винтовки. «Не оказалось на месте и передней части повозки, а половина лошади, её передняя часть, какое-то время ещё продолжала стоять на ногах, трясаясь в конвульсиях...»

Обеспечение боеприпасами, как правило, было никудышным. И переизбытка мин никогда не было. Если снабженцы не перепивались в тылу и своевременно отыскивали расположение нашей роты, то все требуемое доставлялось повозками по назначению.

Ну, а если не случится, то не обессудьте. Своя шкура ближе к телу. Приходилось мудовать на остатках. Конечно с большими рисками для себя. А там, через мать вашу перемать, глядишь, и обоз поспевал. Но гарантий по исполнению поставок боеприпасов никаких не было.

Хоть кол на башке теши этим алкоголикам-тыловикам у них всегда была своя хата с краю.

Пёхом же топтать по дорогам, лесам да болотам было нелегко. Счастливчики, обладатели кирзовых сапог имели значительное превосходство перед красноармейцами в ботинках с обмотками. В постоянной влаге ботинки через пару месяцев разваливались. Доходило до того, что привоза новой обуви не было, а старым наступал полнейший кирдык.

Некоторые сердобольные офицеры по жалости определяли босоногих людей поближе к интендантской работе. Те безропотно ожидали, пока не подвезут снятую с убитых обувь.

Но и соучастия у солдат друг к другу не было. Если только сочувствие. Каждый занимался своей амуницией самостоятельно. Ведь на кону стояла их собственная жизнь. И куда ты побежишь босоногий по буеракам да сухостою со своими сантиментами и печальями, но босой в атаку?

– Ну, ну, попробуй, – подивятся солдатики.

Молодой водитель полковой полуторки ефрейтор Николай Бегитов был родом из Байситово, что рядышком с Кечёвом, между Сарапулом и Агрызом. На фронтовых дорогах он наколесил немало, поэтому ловко крутил баранку своей машины.

Однако, дождь не унимался.

Дорога была наисквернейшей. Вся пыль, в хорошую погоду взбитая до состояния пуха, сейчас превратилась в сметанообразную жижу. Она растеклась по твёрдой поверхности земли, что находилась под нею. Продвигаться было крайне сложно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.